

Нуруев Ильяс Азиретбекович

Китептин аталышы “Начинающий игру с жизнью”

Родился в городе Жалал-Абад зимой 1999 г. Учился в школе гимназии № 9 им. Раатбека Санатбаева. В 2008 переехал в Российскую Федерацию г. Новосибирск и отучился полные два года, затем вернулся в Бишкек и живу по сей день. Летом 2016 поступил в КНАУ. Данное время учиться инженерно-техническом факультете на втором курсе.

開始

«Будет обидно, если ты промажешь, чувак», - промолвил Роберт, прежде чем его сознание навсегда покинуло брненное тело.

Штат Техас, полицейский участок города Форт - Уорт по Лаббок авеню. В четыре часа после полудня был задержан юноша лет 18 по

обвинениям в серийном убийстве, в поджоге нескольких домов. Его запустили в комнату, она была не просторной, мрачной и внутри сквозило. Два стула, не самых комфортных стояли в самом центре напротив друг друга и посередине стол с царапинами в той части, где обычно не сидит инспектор. К нему зашел рядовой полицейский, чтобы заполнить бумаги о личности преступника.

- Старший лейтенант Питер Эванс, - представился полицейский. - Я здесь, чтобы задать вам пару-тройку вопросов, - Его охватило волнение.
- Как вас зовут?

- Роберт Диккинз.

- Сколько вам лет?

Задавая этот вопрос, Питер поймал себя на мысли, что пред ним никто иной как сатана или его приспешник, в любом случае от него веяло холодом таким, что ему стало не по себе. Его лицо не казалось таким уж жутким, немного прыщей на лице, но в целом он совсем ничего. Обыкновенная внешность, ничем не примечательная, только глаза заставляли человека отшатнуться. В них было заточено что-то сверхъестественное, пугающее, плохое. И Питер не был исключением. Они сидели и молчали, один ожидая ответа, а второй разглядывая первого.

Поняв что толку от этого занятия быть не может, он уже разворачивался к выходу. Но напоследок услышал слова: « Мне восемнадцать, Питер»

Вслед за ним к нему зашел репортер. Он был невысокого роста, среднего телосложения и лишь рвение к жизни отличали его от остальных журналистов. Он подкупил местного офицера на десятиминутное общение с убийцей, за закрытыми дверями. Тот сначала смутился глупости этой идеи, но вспомнив на что только журналисты не идут ради наживы - дал согласие.

Зайдя к Роберту он почувствовал то, что за этот репортаж ему ещё долго не придется надирать спину.

Он поставил стул сбоку от Роберта, то ли не привык общаться в стиле полицейских, то ли хотел создать дружеское впечатление...

- На вас нет формы,- замечает Роберт.

- Оно мне и не нужно.

- А что вам нужно?

- Ваша история,- говорит репортер.- Ведь не просто так всё это случилось.

Роберт думал как же быстро можно убить его: "Перерезать горло? Но чем?... Разорвать ему сердце? Не хватит сил, слишком много было потрачено в центре города. Я еле сижу с прямой спиной..."

- Что вы имеете ввиду?- спрашивает Роберт.

- Слушайте, у всех есть своя причина почему он делает то или это.

- И?

- Расскажите свою причину...

В пятницу 16 октября 1978 года был записан диалог самого жестокого преступника, которого носила земля, он мог бы стоять наряду с такими диктаторами, тиранами как: Гитлер, Цезарь, Муссолини... Даже больше, он стоял на голову выше всех убийц человеческого рода. Только власти решили скрыть последнюю пятницу 78 года за завесой тайн и догадок. Истинным началом рассказа можно считать поступлению в школу штата Техас некого Дерек Ситко. Он приехал по обмену из Чехословакии. Типичный школьник на первый взгляд. Ему без труда удалось влиться в компанию Роберта. Они сразу нашли общий язык, а своим одноклассникам казались людьми не от мира сего. Оба были крепкого телосложения с довольно высоким ростом. Пожалуй, их отличали только по прическе, у Дерек были волнистые кудри, которые ему откровенно не шли. Он пытался носить на пробор, но все попытки были неудачны.

-1977 год середина декабря-

Дух рождества уже всю пропитал город Форт-Уорт. Роберт жил на юге от центра. Для молодежи здесь место для развлечения не было: ни

игровых автоматов, ни развлекательных центров, поэтому им не оставалось ничего, кроме как ехать за приключениями в Даллас. Но Роберт с Дерекком находили интересным посещение церковных школ. Благо в их районе находились аж три таких. Перед тем как выбрать одну из них всегда подбрасывалась монета, обычно этим занимался Роберт, его наполнял энтузиазм до краев, когда монета вот-вот решала какой стороной ей упасть.

В Церковных школах им были рады почти все учащиеся, Роберт был душой компании, но он хотел больше слушать, чем говорить. Вопросы о происхождении мира, роли бога в жизни людей, загробной жизни: это очень интересовало молодого юношу, ещё пока неокрепшего умом.

На этот раз он не стал пользоваться монетой, и пошел в самую близкую церковь. Но не только расстояние подвигло его выбрать именно ее. Мисс Сьюзан, девушка средних лет, высокого роста из-за чего она часто стеснялась бывать в компании друзей. Её близкие уже давно привыкли, но она часто ловила на себе взгляды окружающих, от чего ей становилось не по себе. У неё были очень красивые, прямые волосы последний раз цвета неба, она имела слабости к экспериментам над образом.

Сьюзан работала преподавателем в церковном хоре, она была из тех, кто для себя решают после двадцати не расти. Роберт обожал с ней беседовать, ему казалось, что мисс Сьюзан – чудо-человек. Они могли общаться на равных, не смотря, на разницу в возрасте, их друг другу совершенно ничего не обязывало. Если Роберту было одиноко, он навещал ее.

- Привет, Роберт,- теплой улыбкой встречает его Сьюзан.

- Здравствуйте,- отзывается он в ответ.

«Пожалуй, посещение церковных школ без Дерекка – это не то»,- думает Роберт.

- Разве Дерек сегодня не придет?

- Он.. Они с семьей вроде как уехали,- с едва заметной горечью отвечает Роберт,- на каникулы до конца недели.

Он знал как находить общий язык с людьми, но последние два месяца на него сильно повлияли. Без своего лучшего друга всё теряло былой интерес. Но всё же бывали дни, когда ему приходилось оставаться наедине с самим собой.

«Почему мне хочется поделиться новостями именно с ним, если не расскажу, будто новостей и не было?»

- Ты выглядишь подавленным,- говорит Сьюзан.

- Не знаю точно, почему всё так выходит,- жалуется Роберт,- наверное это беготня вокруг будущего выпускников...

- Заполнение бланков в университет, мысли с кем пойти на балл: да-да это так знакомо.- вздыхает Сью.

Она чуть наклоняется к Роберту и шепчет: « Знаешь, мне пришлось купить моему кавалеру обувь с высоким каблуком, а самой выходить с балетками. Да, со стороны это смотрелось хорошо, но от правды легче не становилось»

- Но вы же говорили, как вас выбирали королевой бала 1970 года.

- Роби, просто мне всегда было, что сказать на танц поле,- замечает Сьюзан, одаряя его ослепительной улыбкой.

Только два человека обращались к нему так и одна из них - Джина. И от этого ему становилось особенно тепло на душе.

Внезапно нарушив тишину, она хватая руку Роберта и спрашивает:

- Хочешь стать королем бала 1978 года?- спрашивает его не дабы помочь, а скорей поделиться мудростью коею владеют только окончившие школу.

- Я не против.

- Так вот,- выдержав долгую паузу она наконец отвечает,- не пей пунш, его делает четырехглазый Эдди.

Спрингфилдская школа была известна: своей непобедимой командой по футболу под названием «МАШИНЫ», самыми нелепыми изобретениями в сфере техники, и очень «чистоплотным тренером» Эдди. Между школами ходили шутки, что у команды «МАШИНЫ» нельзя выиграть, потому что к ним, как и их тренеру ближе, чем на метр не подойти. На самом деле эти слухи пускали команды, которые обычно проигрывали "машине". Но если быть точным, то их тренер действительно смердил.

Самый разгар рождественских праздников проходил в Техасе, каждый раз чуть иначе. Народ всегда был полон энергии, дети без устали катались на снежных горках. 1977 год отличился модой на украшение рождественской елки игрушками из под бургеров. К несчастью для Роберта каждый новый год приносил для него холод взрослой жизни, забирал все радости и теплоту детства.

Он живет у приемных родителей, но поддерживает связь со своей настоящей матерью. Ее зовут Джина. Она приезжает к нему в гости и у них тесная связь, но Роберт никогда не мог выдержать эмоциональный накал. Мальчик разрывался на части, когда находился с Джиной и приемной матерью Этель рядом. Ведь Этель потихоньку переставала казаться приемной. Для Роберта такие моменты были самыми сложными. Ему не хотелось скрывать от Этель разговоров с Джиной, это было бы непростительно после всего, что она сделала для него.

«Как мне не разочаровать Этель и выяснить отношения с Джиной?», - эта мысль ещё долго преследовала его.

В конце уик-энда ему написал Дерек: «Позвони мне, если не занят». Он набрал Дерек:

- Так ты приехал?

- Ага, буквально час назад, наверное,- отвечает Дерек.

- Как съездили?

- Долго рассказывать, но в общем... Семейный уик-энд, природа: ничего сверхъестественного.

- Ну, расскажешь после. Как насчет встретится в эти выходные?- спрашивает Роберт.

- ОК, значит на этом и условились. Ладно, давай дружище.

- Ага, пока.

Мысль о семейных поездках за город и сама идея совместного времяпрепровождения заставляет Роберта почувствовать теплоту, которую, как ему кажется, для него была недостаточной.

«Можно ли считать семейный уик-энд действительно семейным, если тебя усыновили?»

-23 декабря, суббота-

Роберт, стоя на крыльце школы, ждал, когда упадет очередной снег в отверстие люка, ему всегда было легко себя чем-то занять. Он не любил ждать, но одиночество ему иногда симпатизировало. Проводя время один, он чувствовал себя первооткрывателем в любом деле, которого касался: будь-то суеверные мысли на счет черных кошек и дальнейшие поиски ответа на вопрос « почему именно черные (может потому что люди черное связывают со всем плохим?)?», проблемы религии, смысл жизни – это всего лишь ограниченный набор того, что крутилось в голове восемнадцатилетнего подростка. Который вот уже как пятнадцать минут ждал своего друга:

- Хэй,- слышалось вдалеке.

Позади он услышал женский голос.

Это точно не Дерек, тогда кто? - подумал Роберт.

Обернувшись он увидел ярко-красное пальто и темные сапоги несущие юную даму прямо к нему:

Интересно кто это? – спросил себя Роберт.- Надо всё же ей помахать, а то обидится.

Он спустился с крыльца и пошел к ней навстречу, но его не покидали мысли о том что с приобретением очков жизнь довольно упростится.

Когда она вошла в зону его видимости, Роберт был ослеплен её красотой:

-Вне школы ты совсем другая,- тепло встретил её Роберт, он не привык видеть её без завязанных назад волос, на ней нет строгой жилетки.- Умеешь удивить, Линда.

-Ради твоей улыбки я готова распускать волосы хоть два раза в неделю,- громко хохочет Линда.- Что делаешь, мы ведь не учимся?

Это была Линда, обычно они бы и не поздоровались с друг другом в школе. Они дружили в детстве, когда Линде было четыре, она жила в доме напротив. Это был обычный дом с высоким забором, через который нельзя было ни пролезть, ни перелезть. Он редко бывал у неё дома, чаще им приходилось играть во дворе, виной тому были их родители. Этель не одобряла способов воспитания родителей Линды, она говорила, что такой метод создает из детей Америки самовлюбленных эгоистов. Роберт не понимал почему, но всё боялся спросить у матери. В этом возрасте для детей все взрослые правы и ребенок принимает эту правду всю без остатка. Линда была активисткой класса и стояла на втором месте по успеваемости. Они перестали общаться, когда узнали что мальчики и девочки могут быть друзьями лишь до определенного момента. Это было грустно осознавать мальчику четвертого класса Спрингфилдской школы, а после фразы Линды: «извини Роберт, но мой

парень очень ревнует меня, так что нам лучше перестать общаться» он неделю лежал с заплаканными глазами уставившись в потолок. Позже они не раз со смехом вспоминали истории из детства, но осадок от расставания оказался слишком сильным и для Линды и для Роберта. Они нехотя стали просто знакомыми.

- Мы договорились с Дерекком о встрече, но похоже на сегодня отменяется,- отвечает Роберт, бросая беглый взгляд на часы.

Откуда ты, Линден?

- Только ты до сих пор меня так зовешь,- улыбается ему Линда.- Меня позвали подружки, но к сожалению у той, что организовывала вечеринку заболела мать, так что мы провели её и разошлись.

- Хочешь пойдём вместе?

- Ты хочешь провести мать Рэбекки?- удивленно смотрит на него Линда.

- Да нет же,- обрывает её Роберт,- провожу тебя домой.

- Ну конечно!- с наигранным возмущением смотрит на него Линда, скорей улыбаясь.

По пути домой Роберт решает угостить её горячим кофе в ресто-баре «У Тодда». Она обожала это заведение с детства и с удовольствием согласилась побеседовать за чашечкой горячего:

- Почему мы сюда не выбирались до этого вместе?- она задаётся вопросом больше к себе, чем Роберту.

- Помнишь ту историю с твоим парнем?- отвечает он.

- Угу,- еле слышно произносит Линда.

- После этой неловкой ситуации, наверное, мы не смогли бы.

- Скажешь тоже,- возмущается она,- мы ведь были детьми.

Роберт, быстро оглянувшись по сторонам, зовет её подойти поближе и шепчет ей: «ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ!» - сквозь смех он всматривается в её глаза и долго следит за реакцией.

Линда не сразу ответила на шутку Роберта, а решила разобраться в себе, но лучше понять: как она действительно относится к этому высокому кареглазому парню, всегда носившем свободную одежду отличавшаяся удобством, имевшего короткие волосы темного цвета и его неизменной жизнерадостной улыбкой. Действительно ли она для него просто друг из детства или может у них есть будущее, ведь для неё, он - один из тех на кого можно положиться.

- Знаешь, я скучала по тебе, Роберт,- промолвив это, Линда вздыхает с облегчением (пожалуй, неловкость той истории перестала быть неловкой),- я рада, что нам удалось поговорить наедине, я правда очень скучала по тебе,- она смотрит на него тоскливыми глазами пытаюсь уследить за каждым движением Роберта.

- Я - кретин, Линда,- хватая себя за голову Роберт,- это были мои фразы, мне стоило сказать их гораздо раньше, чем ты.

- Будем считать, что извинения приняты,- смеется она Роберту.

После недолгой паузы Роберт устремляет взгляд на интерьер ресторана:

«Забавно, что я здесь уже как час, а перемены интерьера с европейского на средневековый не заметил. Неужели я так безнадежно влюблен и не вижу ничего вокруг?»

Линда замечает на его лице улыбку, которую в последнее время видела довольно редко:

- Поделишься шуткой?- спрашивает она.

-NEW YEAR-

Было немного холодно, когда Роберт вместе с Джиной и Этель возвращался домой из гипермаркета, накупив недостающее количество мандаринов, газировки и очень много сладостей. Ему хотелось как можно естественней воссоздать ту картину из детства, когда малыш Роби на праздничном столе видел одни лишь конфеты, да соки (их было немереное количество), которых с лихвой хватало его семье на целую неделю. И раз уж новый год семьдесят седьмого он проводит сразу с двумя матерями, то его желанием является – «Пусть этот новый год продлится пару вечностей!»

Увидев бескрайнее счастье на лице мальчика, и да похоже того самого, мальчика, которому не были знакомы слова: «усыновление», «приемные родители», «отчим» - это всё, он словно забыл и не хотел больше вспоминать, и конечно же Джина и Этель не хотели этого тоже.

Счастье мальчишки, казалось, озаряло всё и у Этель впервые появились родственные чувства с Джиной, пускай и не настолько сильные, но этого было достаточно для того, чтобы провести самый лучший новый год для Роберта.

Они отправились домой. Этель жила с Джеком и хоть они уже жили вместе больше пятнадцати лет, детей у них не было. С порога их встречает Джек, которому будто и нет дела до нового года. Джек не праздновал ни новый год, ни своё день рождения, но подарки обожал, если они преподносятся в виде сюрприза. И потому он помог девочкам перенести продукты с прихожей в кухню и за это получил своё пиво. Этель ловко определила место для продуктов, ведь это как-никак её кухня, а в кухне, как известно, царствует лишь одна хозяйка, но сегодня был день исключения, Джина принялась помогать ей.

Роберт подумал: «Сегодняшний день, если бы мы справляли его за городом, точно был бы семейным уик-эндом!»

Под конец дня даже Джек немного оживился, то ли так на него действовала шестая бутылка пива, то ли ему действительно понравился этот день? Каждый строил свои догадки на этот счет.

Новый год для Роберта прошел как нельзя лучше, ему понравилось всё: начиная от поездки в МОЛЛ заканчивая тостом Джека, который он произнес то ли на русском, то ли на сербском (понять было сложно), но Джина разобрала часть фраз: что-то вроде «S novyi god!» - в любом случае это было сказано с чувством и они оценили это, пускай и сквозь заплаканные от смеха глаза.

-1978-

Так заканчивается семьдесят седьмой и начинается семьдесят восьмой. Именно тот год, который не должен был отличаться от предыдущих, а смиренно дополнять семейные фотографии жителей штата Техас. Ученики выпускного класса проходили через порог Спрингфилдской школы. Роберту хотелось поскорей встретиться с Дерекком и Линдой. Школа наполнилась некой свежестью, и словно заставляла Роберта парить, проходя через холл восточного корпуса, он проникался ностальгией. Казалось только вчера посещавшие (большинство с неохотой) занятия ребята уже стали чуточку взрослей и это был необратимый процесс. Скоро многие из них будут решать, где им продолжить своё обучение, большинство поставят на учебу в других штатах, кто-то пожелает остаться в своем городке.

Это решение давалось нелегко не только Дерекку, но и Линде. Она думала между Нью Йоркским медицинским терапевтическим колледжем и медицинской академией своего города. А Роберт кажется не видел себя кем либо в будущем. Его часто мучал вопрос: «Почему нельзя остаться собой, зачем загонять себя в рамки, если можно очень сильно потом ошибиться?» - но потом он отгонял прочь все эти мысли, ссылаясь на праздность перед возникшим выбором.

Остался последний месяц зимы. Роберт с Дерекком всерьез взялись за изучение религии стран всего мира. Обычно они добывали информацию в школьной библиотеке. Роберта устраивали любые книги связанные с описанием возникновения человечества. Он думал, что таким образом ему будет легче приблизиться к сущности людей. В то время как Дерек уже перешел к практическим верованиям. Начал он с буддизма затем

индуизм, архаические верования, конечно, в буддизме преуспел он больше, ему хотелось ощущать религию как некую силу.

К середине февраля запасы книг на интересующую их тему не осталось.

Тогда Дерек представляет своему другу библиотеку его отца. Это был огромный зал, где полки располагались в виде лабиринта, но к удивлению предметные указатели висели на самых видных местах, так что найти интересующую книгу не составляла труда. Этот просторный холл вмещал в себя самые разнообразные книги, это и: собрания стихотворений, манускрипты, священные книги религий мира, эксклюзивная классика, вся зарубежная литература, фармацевтика. Вошедшего в эту священную Грааль знаний человека завораживало молниеносно, если он имел хоть какой-нибудь интерес к книгам. Масштаб и упорядоченность этого «лабиринта» всецело поглощал посетителя.

- Внушающий вид,- нарушает молчание Роберт.

- Да, хоть я живу здесь почти год, но каждый раз всё по новому,- отвечает Дерек.

- Разве это не собрание книг твоего отца?

Дерек посмотрел на него с иронической улыбкой, и указал на маленькую стопку книг, находящихся у входа. Они лежали чисто и аккуратно, на выгравированном рабочем столе.

- Всё что он прочитал за свою жизнь, лежит здесь,- смеется Дерек.

- Можно глянуть?- спрашивает Роберт.

- Да, конечно,- отвечает своему другу.- Они здесь были, кажется, всегда.

На столе лежали в ряд по вертикали, всего двадцать девять книг. В основном – английская классика и биографии известных на весь мир завоевателей, царей, императоров. Обложки давно высвечены, и состояние переплета оставляла желать лучшего, но это были очень хорошие книги, книги которых нужно прочесть каждому. Семья Ситко не владело всей библиотекой, казалось, дорогое собрание знаний не

может принадлежать человеку, он является составным деталем этого дома.

- Знаешь, Дерек, ведь в жизни нам надо прочесть всего пару тройку книг, но чтобы найти их, нужно перечитать сотню, тысячу самых разных писателей,- приободряет Дерек Роберт.

Роберт покосился на стопку, затем продержав долгую паузу выдвинул свое мнение:

- Возможно, твоему отцу повезло, и он попал именно в яблочко, с выбором?- спрашивает Дерек.- Да, наверное, он действительно попал в яблочко.

Так подходил к концу февраль. Зима не сопротивляясь передала право хозяйки красноречивой «весне». К первой неделе апреля жителя города переходили к более легкой одежде. Ребятишки резвились, бегали вокруг своих домов и никто не соглашался заходить домой рано, с каждым разом день всё удлинялся, смещая вечер.

Выпускной

Ещё был слышан вдалеке рев мотора от старенького мопеда, проехавшего мимо Роберта. Он оставлял за собой едва заметный след машинного масла, когда Дерек выходил из закусочной «Эрла» с двумя пакетами компактно упакованных бургеров. На улице было ни души. Сегодня проходил ежегодный фестиваль «бродячего оркестра» все жители города без исключения находились там, Роберт с Дерекком, казалось, вышли на их след. Уплетая говяжий бургер, а затем и картофель фри они всё ближе приближались к своей цели. Ощущение было такое, словно, вся парадная мишура, отвалившиеся компоненты праздничных нарядов, остатки хлопушек: это всё оказалось здесь не просто так. То был след веселья, след хорошо проведенного времени. Похоже, на «ловушку» будто город пытается приманить нас этим - подумал Роберт. Наживкой для Роберта был далекий и на удивление чистый акустический звук гитары, а Дерекку было просто любопытно –

кто может оставить после себя столько мусора.

Спустя несколько минут они уже нагнали толпу зевак, которые старались на расстоянии рассмотреть, что же такого интересного может быть в гуще этого фестиваля и решали, стоит ли им туда соваться.

И без того оживленная «Харди-стрит» сегодня стояла на ушах. Неопишуемая энергетика витала в воздухе, каждая новая песня воспринималась под одобрителный рев масс.

Роберт вытянулся:

- Давно не наблюдал такого! Это действительно мой город?- задается риторическим вопросом Роберт, пораженный аурой этой толпы.

- Атмосфера здесь, конечно, классная!- замечает Дерек.

- Ещё бы,- доносится нежный голос где-то,- Привет, ребят.

Это была Линда с подругами Стейси и Хоуп. Солнце ещё не зашло, было тепло и одновременно дул приятный ветерок, ласкающий волосы.

Погода была точно для таких мероприятий.

- Привет,- отзывается Роберт,- как вам фестиваль?

- Такая музыка не должна нравиться трезвомыслящим людям,- изъясняется глубокомысленным видом Дерек.

Чем добивается только звучного смеха девочек и Роберта.

- Пока молодой – можно,- говорит Линда.

Потихоньку люди расходились. «Харди-стрит» проходил через кольцевую, огибая миниатюрную статую свободы. По эллипсу вокруг статуи располагались дома жителей города. Обычно они сдавались под аренду для частных компаний, забегаловок и услуг «социальной сферы». Летом частенько это место превращалось в молл. Но самый красивый парк во всей Южной Америке – находился именно по «Харди-стрит».

Жизнь несомненно складывалась удачно. И Роберт был рад, что заметил это вовремя. Иной раз бывает отвлекаешься мелочами и только потеряв то что у тебя есть сейчас понимаешь важность этих вещей. Линда не могла дождаться своего выпускного. Дерек больше чем обычно был похож на простого ученика без всяких заморочек. Джина и Этель кажется вновь переживали свой выпускной и ждали его больше, чем сам Роберт.

Дневник Роберта

03.05.1978

Сегодня прошел пожалуй самый жаркий день. Мы специально с друзьями пошли в местный аква парк, потому что дома сидеть - самоубийство!

Ах да, в этом дневнике я буду описывать свою жизнь. Не знаю как надо ввести его, но попытаюсь.

Меня зовут Роберт и скоро я шагну в взрослый мир (надеюсь), а пока....

В аква парке было здорово, он нам помог пережить этот обеденный солнцепек. Мы наскребли с ребятами на билет в кино и посмотрели комедию "Девчонки оторвы". Я смеялся на протяжении всего фильма. На этот фильм не жалко сходить дважды.

История о том как в девичник перед свадьбой подружки нечаянно убивают стриптизера. Завтра поеду за смокингом, Этель настаивает, чтобы я заранее все подготовил. А послезавтра Линда приезжает к нам в гости, должно быть интересно. Обычно я скептически отношусь ко всему, что связано с днем рождения, но на этот раз мама настояла, чтобы я хоть кого-то пригласил, думаю она знала какой я выбор сделаю. Она должна быть гордилась проделанной работой. Наверное не стоило ей говорить про кофе с Линдой. Кроме Линды был Дерек, но мне хотелось видеть Линду. И Дереку такого рода мероприятие тоже не

приносит удовольствия. Что сделано - то сделано, пожалуй, тут нечего добавить.

Уже час ночи, поэтому на сегодня, пожалуй всё, знаю, что не так информативно, но это только начало.

05.05

День прошел в невообразимо неудобной атмосфере. Мама то и дело пыталась свести нас, я был рад тому что Линда держалась молодцом, не поддаваясь на провокации матери. Я хоть и привык к ней, такого за ней еще не замечал. Сегодня она излишне оживилась.

В четверть одиннадцатого я проводил Линду домой и наконец этот вечер завершился.

Я оглядел улицу, у обочины стояли припаркованные машины. Дорога была почти пустой, лишь изредка мимо проезжала машина, засидевшегося допоздна на работе жителя нашего района.

Сперва проехал Чак из конторы по страхованию, только у него был синий форд, затем Мэдисон и ещё пару машин владельцев которых я не знал.

07.05.1978

Выходные дни прошли на ура. В школе полным ходом шла подготовка к предстоящему празднику. Все выпускные классы собрались для репетиции: сценических номеров, импровизационных заготовок. Кто-то занимался украшением зала, вешая, праздничную мишуру по стенам школы, другие надували шары, третьи кружились по залу под заводную песню, пытаюсь, придумать движения для танца. Зал находился на втором этаже, он был освещен лучами солнца и сквозь широкие окна виднелись верхушки деревьев.

Я отвечал за аппаратуру. Мне не хотелось подвести всех этих ребят, так как выпускной уже был на носу, а все мини спектакли, сценки, танцы: не могли состояться без меня, правда мне не хотелось. Но устанавливая главный блок питания, не знаю о чем я тогда думал и приходили ли мысли ко мне в голову вообще, я обронил его. Мое место находилось позади и чуть с краю от сцены, но так чтобы мое присутствие там виднелось. Блок питания весил немало, но я

рассчитывал что не упаду в грязь лицом и смогу нести самостоятельно. Проходя танцпол я все-таки споткнулся о невидимую преграду. Впрочем не впервой.

Вечер нам организовывал мистер Тайлер. Он поменял ди-джея, теперь право ставить музыку доверили парню из параллельного класса и сломанная аппаратура была уже не моей проблемой. Тайлер был зол не на шутку, но старался этого не показывать. Это был учитель по английской литературе, он носил серовато-белый костюм и дополнял этот образ нелепый галстук "боло", словно свисающие шнурки кроссовок и в довершении ко всему этому - шляпа "канотье". Канотье вызывало меньший смех, а мне даже хотелось побывать на каком-либо тропическом острове именно с канотье. Уж слишком она для этого подходила.

Кругом все веселились. И я веселился вместе с ними. Заканчивая приготовления мы расставили столы и стулья для гостей в центре зала и ещё вдоль стенки. Там предназначалось наливать напитки, выпивку и т.д.

К концу дня меня назначали ведущим, ей богу в этой школе я пользуюсь уважением. Я спросил мистера Тайлера с кем я буду выступать. Ну точно не со мной, сказал он пытаюсь пошутить, у него это никогда не выходило. Но как учитель он был славный.

Моей напарницей оказалась Линда. Она только уходила, когда я окликнул её.

Она стояла у дверей зала прижав папку к груди и держа сумку. Я предложил помощь. Линда улыбнулась и я взял её сумку.

По дороге домой мы беседовали о грядущем празднике и о том какие все станут в будущем. Но ни я, ни Линда не смогли перебороть эту чертову грань, когда ты просто говоришь со знакомым из школы. Я хотел поговорить с ней в открытую, кажется она тоже этого хотела.

Обычно мы срезали путь у главного шоссе, ведущей в нашу школу. У шоссе дорога ответвлялась на три, мы выбирали четвертый и спускались с небольшого холма дороги на узкую тропинку парка. Парк был просторный и по нашей дороге ходило мало людей, многие даже не догадывались, это был конец парка, но через него можно выйти напрямиком к шоссе. В детстве я любил ходить сюда с Линдой, у нас было

"секретное убежище".

В парке Линда молчала, изредка поглядывая на меня и теребя свою папку. Наконец мы дошли до того места, где собирались люди, я предложил ей выпить прохладительного, а сам был не прочь от чего-то покрепче. С человеком всегда сложнее, если он тебе важен и по степени важности увеличивается степень сложности, всегда выбираешь свои слова и думаешь о последствиях этих слов. В итоге всё выходит скверно, по крайней мере у меня.

Центр парка был ярко освещен лучами полуденного солнца, по всюду была молодёжь, тележки с мороженым забивались очередью. По середине всего этого находился маленький, простой фонтан. Когда мы дошли до конца парка (конец для нас и начало для других посетителей) я взял её за руку, но она посмотрела на меня и приставила указательный палец к губам: "Нет, Роберт, нам не стоит этого делать",- и всё сразу стало ясно для нас. Мы словно имели контакт на ментальном уровне. Для меня этого было мало. Более мы не разговаривали и казалось мы увязли в собственных мыслях, наших размышлений хватило до самого порога дома. Время летит быстрее, когда ты чем-то увлечен. Поэтому счастье не длится вечно, но и именно поэтому горе тоже не вечно. Наверное человек может быть увлечен как хорошим так и плохим.

- Нам не стоит быть вместе, - сказала Линда, когда я отдал ей сумку, - ну как обычно делают пары. Знаешь, Роберт, я не хочу такого, не хочу, чтобы мы были похожи на обычную пару.

В этот момент я замер от услышанного и мне всё еще было непонятно стану ли я ближе к этой девушке, стоящей на пороге своего дома, с прекрасными длинными, волнистыми волосами, смотрящей прямо в глаза словно зачаровывая, было мне не понятно и то, что означала фраза "не хочу, чтобы мы были похожи на обычную пару". Означало ли это, что я уже ближе к ней или что? Кажется ее фраза засела в моей голове, потому что голос Линды пробудил меня:

- Но, Роберт, я люблю тебя, просто я не смогу любить как все, как делают это нормальные люди. Постарайся меня понять.

Её голос звучал умоляюще, я уверен она не хотела, чтобы я понял всё как отказ.

- Я люблю тебя тоже,- признался я, взяв ее за руку притянул к себе и

поцеловал.

Некоторое время мы делали это как-то по детски, ее губы были сомкнуты. Я перестал.

- Извини, я никогда не целовалась,- она была смущена.

- Всё хорошо, Линда.

- Хочешь, я тебя поцелую?- она прижалась ко мне и на этот раз ее губы были раскрыты.

- Я люблю тебя.

Одарив меня поцелуем она забежала в дом. Теперь даже ее шаги для меня казались иначе, они стали грациозней.

Я спустился вниз по улице прогуляться. Свежий вечерний воздух наполнял легкие, каждый вдох давал ощущение романтизма. Я чувствовал себя героем из книги.

20.05

Наступил день выпускного. Эти две недели прошли довольно однообразно. Каждый день, выпускников собирали в школе, нас готовили для выступления, все четко усвоили свои обязанности и довели свое каждое действие до автоматизма, другие же приходили потусить с друзьями. Ощущения от этих приготовлений были немного удручающие.

Было грустно и весело одновременно, но первое брала под конец верх. Я понимал, что нахожусь на одном шаге от чего-то нового, на отрезке, который все рано или поздно проходят. Момент был похож на переход в новую главу, пока еще не осязаемую.

- Роберт, я погладила брюки,- Этель переволновавшись начала всё делать по второму кругу, хоть всё было готово неделю назад,- уже можешь надеть.

- Да, мам.

- Можешь взять мою машину,- слышался голос Джека, - если хочешь.

Мне совсем не хотелось. Все начало ужасно доставать, я не привык к такому количеству внимания, хоть на это подростки не жалуются обычно.

Я заехал за Линдой, на ней было чудесное платье с вырезом на спине, оно подчеркивало утонченность и грациозность её фигуры. Ничего лишнего. Стало темнеть. В свете ночных фонарей ее платье переливалось красками и сказать точно какого оно цвета, казалось невозможным. Может это из-за моего зрения? Она покружилась, но платье я оценил почти сразу, одного взгляда уже было достаточно, затем она подарила мне свою неповторимую улыбку.

- Нравится?- спросила Линда.

- Ты стала совсем хорошенькой!

- Это я умею,- всё ещё улыбаясь она заигрывала со мной.

- Ну что ж, мисс, поехали на балл?

- С удовольствием!

Мы приехали в школу, возле парковки стояли парни в смокингах разговаривая о чем-то, кто-то из них окликнул нас:" Хэй, опаздываете! Еще и ведущие". Некоторые курили.

Мы припарковались у самых дверей, парень из толпы был прав. Мы чуть опаздывали.

Пробираясь в зал меня то и дело бросало в жар. Я безумно переволновался, для этого хватало одной музыки, которая слышалась даже в двух милях от школы. Всё здание сотрясали басы. Создавалось впечатление очевидной важности сия праздника, по мне так через чур. Я только и успевал смотреть как Линда быстро проходит через толпы выпускников, она была очень ответственна, как она сворачивает за угол уже поднимаясь на лестнице. Она быстро прошагала мимо выстроившихся в ряд школьников и предстала перед публикой, когда дошла до центра освещенной сцены. Её фигура на фоне огней это нечто, что стоит лицезреть, Линда была похожа на нежный цветок, к

такому цветку только наклоняясь вдыхают её аромат, как бы отдавая дань уважение красоте, но и в то же время боясь, что даже малейший шорох может сорвать лепестки, оставив только голый стебель. Я был счастлив что люблю её.

Официальная часть закончилась довольно быстро, учителя поздравляли нас со сцены, повсеместно, выдавая сертификаты об окончании. Очередь дошла до мистера Тайлера, все наострили уши, его всегда было интересно слушать. Он начал:" Здравствуйте, уважаемые выпускники школы Спрингфилда 78 года, я знал некоторых из вас, когда вы только начали обучаться катанию на велосипеде. Многие из вас любили мой газон,- посмеялся Тайлер вместе с ним и все остальные,- не знаю почему, правда. Моя жена до сих пор шутит над этим...

Мы стояли у сцены, мистер Тайлер произносил речь. Я спросил Линду как ей выпускной. Она не услышала, её внимание было направлено на мистера Тайлера. Пожалуй, он говорил интересные вещи. Я попробовал себя заставить его хоть немного послушать, но не смог, я практически увяз в своих мыслях. Думал я о том, во сколько мы разойдемся? видел ли Дерек наше с Линдой выступление и пришел ли он вообще? когда уже объявят короля и королеву бала? : когда в зале послышались аплодисменты.

" ... Удачи вам, ребят",- заканчивал свою речь мистер Тайлер.

Выпускники были счастливы. Музыка играла во всю, кругом небрежно двигались, стараясь, попадать в такт или хотя бы делая вид, смельчаки, не побоявшиеся, ритмичной и быстрой музыки. Мы с Линдой сидели у столика, наблюдая за всем происходящим, я не хотел танцевать, а она, думается мне - не хотела меня оставлять одного. Вот мы и сидели, застенчиво поглядывая друг на друга, в ожидании чего-то, что должно случиться. Я думал уехать с ней, покататься, подышать вечерним воздухом, когда к нам пришел нападающий футбольной команды, со словами:" Линда, вау, выглядишь прелестно, как тебе выпускной?". Он был с ней мил, хотелось верить, что он мимоходом, но он делал вид, будто меня нет. Это не был дружеский визит, дабы спросить как дела, разузнать кто кем собирается работать или где продолжать учебу. Словно меня тут и не было, он занял стул, усевшись начал что-то рассказывать Линде. Это был типичный представитель игрока в

футбол, который в школе едва сводит концы с концами. Таких ребят не прут подальше лишь из-за их физических способностей. Мне было плевать на его намерения, я просто наблюдал как Линда на это отреагирует. Он всё время наклонялся к ней поближе, чтобы рассказать или дорассказать свою незатейливую шутку: " Слушай, Гарисон, должно быть твои напарники с команды тебя разыскались,- отрезал я очередную попытку этого двухметрового "столба" приблизиться к Линде,- я считаю тебе пора идти".

Он обернулся, Линда сидела напротив меня. Было очень шумно, меня распирала внутренняя ярость, она кипела где-то в груди, ощущения были такие же физические как, если бы вас пытались поджарить огромной лупой, но только изнутри. Он улыбнулся, как улыбаются люди перед сделкой, а затем стреляют тебе в спину и забирают всё.

- Хэй, Робби, как поживаешь?- промолвило это массивное животное с наигранным интересом.- Сегодня уже можно, ха?

Он повернулся обратно к ней:

- Не выпить ли нам, как считаешь, Линда?

- Пару стаканчиков нам не испортит вечер, надеюсь.

- Здорово, Роберт нам тоже захватит, да Роберт?- обратился Гарисон. Много мыслей крутилось у меня тогда в голове - к примеру:" Может быть ты, тупорылый говнюк, поднимешь свою задницу и направишь ее напрямиком к шайке своих потных друзей, ха?"- но мой внутренний диалог гораздо отличался от внешнего, я старался не испортить Линде вечер.

- Думаю, что я лучше останусь,- ответил я.

- Да?- язвительно фыркнул Гарисон.

"Да! Мать твою, да, если тебе сразу непонятно"

- Конечно!

- Слушай, Роберт, не мог бы ты оставить нас ненадолго?

- Гарисон, пошел ты нахер,- вырывались слова, словно, лава,- сраный ты мудака.

Он привстал, я знал, что вот этот момент, который мне пришлось ждать вот уже чертовы четверти часа настал - сейчас пришло время приложиться по его надменной физиономии.

- Бога ради, хватит,- завизжала Линда.- Что собра...

Я хорошенько достал его правым прямым и уже крутил левый, когда он снес меня на пол. Падая, я задел головой край стула и получил пару

взрывных джэбов, Гарисон был чудовищно силен.

-...Собрались устраивать ...?- её голос был тише, но даже так, я настолько привык к нему, что посреди драки, не смотря на фоновую музыку - он был слышен.- Гарисон, слезь с него!

Гарисон бил не переставая, я старался меньше от него пропускать. Одолеть его - было не в моих силах. Нас стали разнимать буквально сразу, но этого хватило на два хороших синяка.

Выпускной для меня был закончен. Признаться, важным этот вечер делала лишь компания Линды. И я не так сильно был огорчен. Я сидел на скамье возле игровой площадки, рядом со мной была Линда. Мы имели пару пакетиков со льдом, ключи от машины Джека и целую ночь впереди.

Я не очень уж удачно попрощался со школой, скорее она меня избила и вышвырнула подгоняя, чтобы поторопился. Избила руками Гарисона, а указала на дверь с помощью пялищихся учащихся (кроме некоторых, им ни до кого дела не было). Мы жутко проголодались и немного погодя Линда вспомнила про какое-то круглосуточное кафе, а я не переставал щупать свое лицо. Оно забавным образом деформировалось, если описывать в общих чертах карту синяков на моем лице, то выделялись два "холма" - средних и возвышенность с непродолжительной длиной. Первый холм пришелся над левым глазом, но челка его могла скрыть, оставшийся "средний" и остальное находились примерно в одном месте. Гарисон похоже, ставил целью вырубить меня, потому что основные повреждения приходились на правую нижнюю часть лица, охватывая полностью челюсть. Я хотел посмотреть на его физиономию, хотел знать как обстоят дела с его лицом. Позже Линда пыталась меня приободрить, но я не чувствовал по отношению к этой ситуации какой-то дискомфорт (но надо было вмазать Гарисону пару раз, без вариантов).

Я завел машину, Линда копалась в своей сумке, хотелось верить, что она достанет чудесным образом ещё один пакетик со льдом. Его так не хватало, а лицо просто горело.

Кафе в которое мы направлялись было в милях полторы от нас. Я не знал, что делать после кафе. Отвезти её домой? Вернуть её на выпускной? Нет, пусть знает сама, а я буду просто молчать. Мы ехали в ночной тишине, на улице господствовали тени, никаких людей - только тени и блики от машин отражающихся от фонарных столбов. Рыжий

Squeeze напевал себе " возьми меня я твой".

- Линда, ты остаешься в городе или ...?

- Хотела бы остаться,-она повернулась ко мне.- А ты хотел бы хотел, чтобы я осталась?

- Разумеется - нет.

- Ладно, хорошо,- она уставилась в окно.

- Я имею ввиду, тебе не стать широко-профильным специалистом у нас.

Я взял её за руку. Она до сих пор была где-то далеко, где можно обижаться какое-то время не обращая внимания на мир.

- Линда, перестань дуться, ты же знаешь что это так.

Она посмотрела на меня и начала: " Роберт, но я хотела б..." ,-я посмотрел на нее,а дальше слышал: грохот, треск, гудение, скрежет металла, но только не ее голос. Лицо Линды исказилось, она была в ужасе. Я не мог опомниться, время шло слишком медленно, а события слишком быстро. Я был даже не в силах понять, что происходило, как вдруг Линду выбросило из лобового стекла мощным импульсом, а я стукнулся об что-то тяжелое ... Время издевалось надо мной, медленно разгоняясь, давая таким образом якобы шанс что-то предпринять, но как бы я не пытался - мое тело было бессильным, я был вынужден просто смотреть.

(Далее пойдет краткое повествование от автора, дабы дополнить недосказанность последних происшествий.)

Занятную беседу Роберта и Линды по дороге в кафе прерывает темно-синий Бьюик семьдесят шестого года. Его владелец потерял контроль над машиной в момент, когда расстояние между "Доджем" Джека и "Бьюиком" начало сокращаться. Ничто не предвещало для новоиспеченных студентов беды, Бьюик как и следует встречным машинам должен был просто проехать, но руль перестал слушаться владельца. Позже выясняется, что в Бьюике произошел развал схождения, послужившее отправной точкой для автокатастрофы. Линда с Робертом прибыли в больницу в крайне тяжелом состоянии. Сразу готовилась реанимационная. Водитель встречной машины не отделался ранами, он скончался до приезда скорой. Линду оперировали первой, сильное кровотечение вызывавшая открытая рана в полости

живота, раздробленное бедро - повредившее изнутри мягкие ткани так же приведшим внутреннему кровотечению, открытый перелом левой руки - диагностировали врачи в первые минуты. Позже этот список увеличился, но пока они устраняли самые главные проблемы. Роберта ждала судьба такая же как у "водителя". Поэтому выбирать на кого нужно сосредоточить все силы не приходилось. У него практически "отвалилась" затылочная кость мозга. Роберту необходимо было чудо, чтобы хотя бы дойти до операционного стола - не потеряв свои мозги по дороге. В любой момент "затылочная кость" (служит для поддержания человеческого мозга в том состоянии в котором она должна пребывать) может решить - будет Роберт жить дальше или ей просто отвалиться, тем самым расплескав его мозги к чертям. Чтобы помочь Роберту, врачам следовало, сначала, доставить его тело в операционную. Они ломали голову над тем - почему он чудесным образом выжил с таким переломом черепа и как скорая сумела его доставить. Посоветовавшись было решено - положить Роберта на медицинскую каталку боком, придерживая и контролируя череп. Двери реанимационной захлопнулись, издав гулкий хлопок. Сегодня, около сотни выпускников станут немного взрослей и пустятся по миру. Они будут жить беззаботно и счастливо, конечно, некоторым повезет не так сильно. Но даже на их местах сейчас не прочь были оказаться Роберт с Линдой.

Полиция была извещена почти сразу. В школу звонили, взволнованные родители Линды и Роберта - время уже перевалило за полночь. Тайлеру стало не по себе, вся ответственность ложилась на его плечи, он организовывал детишкам праздник. И сам факт того, что он не смог найти Роберта после той злополучной драки утяжеляло его вину в разы. На следующий день доктор Келсо (глав. врач реанимационного отделения) обследовал состояние больных. Он был человеком не имеющий ничего кроме работы, в своем деле ему не было равных. И хотя за работой он показывал высший пилотаж, стоит отметить, что отличительной особенностью Келсо был холодный расчет и железные нервы. Ему не составляло труда определить какой пациент сможет выжить, а какой нет. Если он определял второе, то бросал попытки борьбы за пациента. И он доживал свои мучительные дни с помощью аппарата для поддержания жизни. На утро, Джек с Этель и Кара с Фрэнком выглядели не менее потрясенными и горестными, хотя не

смыкали глаз со вчерашнего вечера; когда Келсо вышел из палаты в комнату ожидания, чтобы сообщить положение дел.

- Фрэнк и Кара - родители Линды, верно?- начал Келсо.

Они обернулись на голос.

- Д-да.- Кара встала.- Как моя дочь, скажите с ней всё будет хорошо?- она расплакалась.

- Мы делаем всё возможное для обоих,- врач нашел взглядом родных Роберта,- но сейчас сложно что-то говорить нужно дождаться ответной реакции организма после операции. К тому же их последует ещё несколько и каждый раз - будет новый риск.

Келсо заглянул за плечо Кары и попросил Джека пройти за ним.

- Когда нам можно увидеть Линду?- Фрэнк смотрел на врача.

- Послеоперационный период займет неделю, затем перерыв, в этот отрезок вы можете навестить её.

Джек и Этель вместе с Келсо зашли в его кабинет. Он сел и посмотрел ещё раз на "историю" Роберта. Этель скрючилась изнутри, для нее всё вокруг сжималось, она знала - просто так не просят зайти в кабинет врача. Ее руки начали трястись.

- Ваш сын хорошо держится, но мозг сильно поврежден, в будущем возможны сбои в нервной системе.

- Он выживет?- тихо спросила Этель, боясь ответа.

- Сейчас, Роберт находится в крайне тяжелом состоянии,- Келсо взял паузу.- Это будет зависеть от него - сможет ли он выйти из комы.

Сейчас можно оценивать ее как кома второй степени, боюсь если что-то не предпринять, она может продолжать развиваться.

-Так сделай что-нибудь!- прокричал Джек.

- Мистер, наша больница не оборудована всем необходимым для этого! Вам следует отправить сына в Нью-Йорк, как только кости черепа немного окрепнут.

Этель сидела обхватив голову руками, нашептывая что-то. У семьи Роберта провалилась земля под ногами, они не знали куда себя девать, в отчаянии от собственной беспомощности. Джек обнял Этель за плечо:" Мы должны держаться, дорогая, слышишь? Ради Роберта нам следует быть сильными."

- Но за что?- всхлипывала она.- За что ему такая участь?

- Он выкарабкается, он должен.

Этель подняла голову, ее глаза покраснели и они были заплаканными. Она спросила доктора:

-Когда я могу увидеть своего сына?

- Я очень сожалею, мисс,- медсестра пыталась объяснить Джине, что ей пока нельзя заходить к Роберту. И практически силой держала ее. В отчаянии Джина уселась возле двери и расплакалась.- Мисс, сейчас посещения больного недопустимы и это для его же блага¹.

Медсестра отвечала не на вопрос Этель, она находилось в другом крыле здания, но такой же вопрос как и у Этель уже задавала Джина.

Джину известил о беде ее старый друг Колфилд, после переезда она не раз попутно навещала и его. Старшая дочь Колфилда училась вместе с Робертом и поэтому он как можно скорей сообщил о случившемся своей подруге. Вскоре он поехал с ней в больницу.

- Уверен всё обойдется,- успокаивал Джину Колфилд.- Я позабочусь о ней, не беспокойтесь,- обратился он медсестре.

¹ Это был кинематографический прием, использованный в данном тексте.

Лечение и реабилитация Роберта замедлилась. В основном виной тому было - ничто. Думаю, любой в здравом уме не будет винить организм человека в медлительной регенерации. Ему не скоро позволят отправиться в Нью-Йорк, хотя кто знает хочет ли он сейчас туда. Ситуация осложнялась ещё и коматозным состоянием. После многочисленных операций физическое состояние улучшилось. Но даже Келсо не брался предположить что будет с психикой Роберта. Мозг повреждён и надо пытаться с этим что-то сделать, конечно, настолько - насколько это позволяет медицина.

Восстановление организма пришлось отложить, по крайней мере у семьи Роберта не было иного выхода. Келсо лишь развел руками, объясняя каждый раз безысходность ситуации.

- Слушайте, мы уже говорили об этом,- отвечал док.

Джек и Этель буквально жили в больнице, позже Джина переехала обратно в Спрингфилд. Они всеми силами пытались найти врача или группу врачей, которые взялись бы за Роберта. Джеку наконец улыбнулась удача...

Профессор Мэйсон взялся помочь Роберту с анализом нейронной системы головного мозга. Приезд группы медиков под начальством Мэйсона и перевозка всей необходимой аппаратуры назначили на начало июня. С дальнейшим обследованием способности юноши к полной или частичной реабилитации головы. До приезда профессора стоял вопрос - сможет ли Роберт продолжить свою нормальную жизнь? Беда уже миновала и надо думать о будущем. Как бы ни так.

Стало быть, если человек в коме, то его покою ничего не грозит. Для Роберта это состояние больше походило на "камень, ножницы, бумага" - с самим собой. С внутренней частью себя, свое "Я" хотела как можно скорей попасть в мир иной, ей не терпелось увидеть свет. Черный мрак закоулков сознания Роберта иной раз не просто наскучивал, а сжимал тебя с четырех сторон невидимыми от темноты стенами. Оставалось надеется на снисходительность потолка с полом.

Роберт не знал, как и что бывает в состоянии комы. Никто не подсказал, что на свой внутренний мир видений, если это хоть как-то проявляется когда тебя вырубает тяжело и надолго, можно оказывать сильное влияние обходясь единственным, что остается у людей в таких случаях - мыслями (фантазией).

Как вам нравится слово "фрисби", мне оно напоминает в какой-то мере свежесть, легкость и я вовсе не представляю игру, лишь чувствую игру звуков. А на счет слово "оковы"?

Уверен, подними Роберта кто-то из его больничной койки, чудом или не чудом, может просто несвоевременным сексом медсестры с одним из горячих пациентов, на свободном диванчике под навесным телевизором прямо напротив Роберта, когда его сознание за долгое время проявило живой интерес к внешнему миру. В любом случае разбуди ты его сейчас и он более чем убедительно расскажет тебе свой собственный круг ада нескончаемый глухого мрака, где слышны лишь собственные мысли.

После этого, скорей всего он больше не сможет совладать собой, осознавая через что он проходил.

Шли дни, складываясь в недели, недели в - месяцы, за которую группа Мэйсона успела определить, что состояние Роберта, если ему удастся очнуться - будет не более чем серьезным. Для врачей вопрос, когда возможно придет в себя пациент с каждым месяцем становился менее затруднительным. Мозговая активность заметно улучшилась, к тому же множество антибиотиков - являющиеся сильными препаратами уже были ни к чему, что только способствовало активности.

Мэйсон развернул внутри больницы целый блок, присущими ему внутренним интерьером. Некоторое время он даже принимал других больных, у которых проблемы более или менее были схожи с болезнью Роберта. Но вскоре он сузил круг своей работы до минимума. " Врач сумел спасти жертву того самого инцидента 20 мая и спустя шесть месяцев (это не точная цифра, но в таком деле играет воля случая, ну или интуиция дока) поставил его на ноги, вытащив из комы",- эти публикации в местной газете отлично поспособствуют карьере, думал Мэйсон.

Все ожидали скорого выздоровления Роберта. Время неумолимо шло, забирая искорки надежды у близких ему людей. Это искра была по началу огромной и ее целью было - попасть прямо в точку надежд и ожиданий, но по мере её снижения эта "комета" оставляла за собой след из осколков. И если точка в которую, по словам врачей она должна упасть - исцеление, то осколки имели в распоряжении целые поля под названием "смерть". Со временем всё усложнилось и все задавались вопросом : "А долетит ли?".- конечно же про себя и даже так - достаточно тихо, стыдясь самого себя.

Вот и незаметно подкрался ноябрь. Через пару недель снова наступит новый год. Снова повторится непрерывный цикл человеческой жизни, с характерной скоростью вращаясь вокруг этого замкнутого круга люди будут приобретать новый опыт, терять часть чего-то важного, что устанавливает для себя каждый сам. Роберт потерял к тому моменту пол года своей жизни в больничной койке. Пожалуй время - безусловно одно из дорогих ценностей человека, если не самое дорогое. Но находясь между смертью и временем - Роберт, конечно, сделал правильный выбор.

Жизнь в Спрингфилде текла по своему обыденному руслу. Жители

городка всё так же суетились, работали. Дети ходили в школу, домохозяйки следили за ними одновременно исполняя домашние обязанности. Их мужья так же напивались по субботам в пабах, некоторые напивались с любовницами в мотелях, но исход один и тот же. Все без исключения испытывали после своих "маленьких праздников" - сушняк в воскресное утро. Разве не страна радостей? Делай всё что пожелаешь, только соблюдай усердный вид будто это очень важно.

В палате висела мертвая тишина и плакат Честера. У окна стояли цветы уже по-понемногу теряющие жизненные силы, некоторые совсем увяли. После обеда в палату не проникало ни капли света, комната была мрачноватая и холодная. Как вдруг ровный "ту-ут" кардио-монитора начал быстро брать темп. Веки Роберта ненадолго освободились от тяжести.

Ещё секунду назад... Секунду назад я... И Линда..

Линда, черт возьми что с ней? ... Где это я? Я не смог ни встать, ни сдвинуться. И даже пошевелить рукой у меня не выходило. Всё что мне оставалось делать - тупо смотреть в потолок, разглядывая мелькающий образ люстры. В добавок мои глаза... я не мог их контролировать, я не находился в своем теле, я только и мог наблюдать за одной точкой и то всё было расплывчато, словно до этого я очень долго плакал. Тяжело и медленно веки опустились как занавес. А я не мог с этим ничего поделать.

Не знаю сколько прошло с прошлого раза, может день может два, а может и час всего-то прошел. Но на этот раз я сумел моргнуть и хоть это было сложно - я все-таки придвинулся на шаг ближе к своему телу. Я это различал как уровни, за те короткие моменты пока я не вырубался обратно. Эти уровни похожи на размеры картины. В длинный ряд расположены картины еле заметного белого очертания люстры. Первый уровень это картина с размером 30x20, следом 60x40, 120x90 до тех пор

- пока картина не станет "человеческого формата" , пока не заработает периферийное зрение. Наверное с той ава... С того раза меня прибило к 30x20. Пробиваться через эту адво галерею - изнуряющее занятие, но очнувшись следующий раз с тобой будут твои "бонусы" за прохождение - это твои: пальцы, глаза, кончики пальцев на ногах (может мне просто было холодно, а эта "галерея" халтурила), но за каждое движение я платил ноющей и очень острой болью в мышцах, а увидеть действительно ли я шевельнул пальцем я не мог, разве что медсестры уделят мне хоть пару минут своего драгоценного времени, чтобы узнать состояние моего здоровья и наконец зайдут ко мне вовремя, сдавалось мне - это могло всё ускорить. Однажды мне почти удалось очнуться так, чтобы кто-то заметил, но я всего лишь глядел на виляющую к двери пухлую попку какой-то женщины. Хотя бы это... И... Я смеялся, смеялся очень долго, удивляясь полезности мужских инстинктов, ведь ступая на его поводу я смог повернуть голову. Это победа.

Когда я научился не отключаться по крайней мере на минут десять, уже прошло чуть больше вечности. А врачи и медсестры в этой больнице - мудаки.

Я не мог больше терпеть и сжалился. Молил всех богов, что только знал. Голод и жажда резали живот направо-налево, но у меня не достаточно сил на то, чтобы управлять своим телом хотя бы на половину. И я выкручивался всеми способами: пытался глотать слюну, пытался её потом выделить(но тщетно), пробовал эффект "Плацебо", но я и раньше был в нём не силен так что и это было тщетно. Мне нужна была еда и как можно скорей, я балансировал между пропастью и был очень высокий риск обратно упасть в эту чертову "галерею". Про воду мне стало потом страшно вспоминать. Закон трех-д: три минуты без воздуха, три дня без воды и три недели без еды. А когда я дважды очнулся в рассвет, то уже мирился со своей глупой смертью. Потом во мне разгорелась одна идея. Что если я оставлю им какой-то знак или ещё что? Но поскольку я овощем лежал в своей кровати, вариантов оставалось не так уж много... Поэтому я подумал, если мне "наделать кучу" или "пустить лужицу", то возможно меня мне постельное белье меня смогут разбудить. Я очень на это надеялся.

-Разве пациенты в коме могут?- слышался отдаленный женский голос.

Это был мой выход.

- Это вполне нормально.

- Ну знаешь в первый раз это непривычно...- голос становился более четким.

Но я не мог очнуться, чтобы я не делал - всё впустую.

- Да, понимаю,- подхватила вторая, а я должен был очнуться сейчас же,- как будто меняешь подгузники только большому ребенку, который не хочет просыпаться.

- А они и вправду не чувствуют боли?

- Хочешь проверить? Я в ординатуре так развлекалась.

Давай, ради бога сделай мне больно, как бы это ужасно не выглядело, что парень просит такое у.. у девушки или женщины которую даже не видит. Давай же!

- Нет, пожалуй не стоит.

Это был конец, я уже истратил весь запас "лужиц" так что...

- Ладно закругляемся,- сказала та что постарше.

Я провожал звуки, отдаляющегося топота как внезапно что-то вырвало мой сосок.

Я заорал.

- Господи Иисусе, прости.

- Что ты с ним сделала?- закричала вторая.

- Я просто...

- Беги за врачом!

Пару тел нависло над моим лицом. Яркий свет фонаря озарил мой правый, затем и левый глаз, но никакого дискомфорта я не испытал. Чья-то рука крепко сжимала мою ладонь. Я вырубился.

Моя правая рука была онемевшая, когда я проснулся. У моей кровати положив голову и держа мою кисть лежала моя мама, правда я не сразу разобрал какая именно, но, наверное, всё же Джина сидела напротив окна вглядываясь в сумеречную даль, а та что возле моей кровати -

Этель.

Она обернулась.

- Как ты сына?- спросила она.

- Всё хорошо, я рад, что ты пришла.

- Конечно же я пришла,- появился удивленный тон,- а как иначе?

- Да, так и есть.

Я поддерживал беседу как мог, но меняхватило ненадолго.

- Извини, что не пришла к тебе на выпускной,- Джина боязливо посмотрела на спящую Этель,- и что не приезжала. Это всё из-за...

- Мам, всё хорошо,- я пытался ее приободрить.

Мой голос ослаб и местами вовсе исчезал.

- Да, но.

Я протянул ей руку:"Мам, всё хорошо"

Когда Этель очнулась, я уже спал.

Будучи ещё десятиклассником я увлекался нейробиологией. Ничего конкретного для себя не мог подчеркнуть, неважно за какой раздел бы я не брался. И в целом остался далеким от всего этого, чего уж там скрывать - сами нейробиологи были тоже далеки от этого. Мозг человека - недоступное в наше время "сундук из знаний". Я допускал, что разберись человек со всеми механизмами этого сундука, то быть может нам удастся узнать о нашем прошлом, время до того как человек стал разумным. Это были только мои теории, ничем не закрепленные, а самое главное - без возможности к практическим наблюдениям.

Но кое-чем можно было и попрактиковаться. Когда я узнал об альфа и бета состояниях мозга, сначала не обратил на это внимание. "... Ну и что с того что человек спросонья реагирует на вещи по другому и кого это волнует?" А в больнице все эти знания помогли мне с контролем окружающей реальности. Я лежал, отключал тело (может и мозг, не знаю), но улавливал тонкую связь с тем-что меня окружало, обычно это звуки, свет от какого-нибудь предмета, если от солнца - это сразу заметно из-за ласкающих теплых лучей. Бывало и натыкался на запахи, больница сама пропитана всяким, конечно, но иногда ей удавалось тебя удивить. И это не было просто запахом хлорки после уборки, а едким запахом твоего соседа (будь он проклят), который

думает что, если я сплю, то можно выпустить газ под шумок (НЕНАВИЖУ).

Увлеченный своим лечением я вовсе забыл про самое главное... Это была только исчезающая мысль, которая изредка мелькала в голове. Причина по которой я здесь мне не известна. Я забыл то, что мне стоило запомнить... Я знаю - это очень важная для меня информация, но она далеко. К тому же, всё смешивалось. Меня записали в гимнастическую группу, теперь каждое утро ко мне приходят две коренастые девушки, чтобы со мной проделать "зарядку". Они как-то это называли, я предпочел забыть о названии после первого же занятия. Одна из них, та что меньше говорила и больше массировала и скрючивала мое чахлое тело сказала: "Я знаю, ты нас возненавидишь, но это ненадолго, скоро мне не понадобится помощь Кесси и тогда мы останемся одни,- она подмигнула."

- Не бойся она так шутит,- сказала Кесси, когда другая ломала мне ногу.

- Мистер,- рявкнула вторая.

- Да я стараюсь как могу,- сказал я.

- Скажи это своим ногам.

- Ладно, знаете что? Переверните меня,- под конец я чуть убавил тон.

- Роберт, вам стоит ещё чуть позаниматься,- сказала Кесси,- мы только начали, потерпите.

- Я постарААЮСЬ,- процедил я сквозь зубы.- Больно же!

- Это хорошо,- сказала вторая.

Я не видел лица той, кому всё это казалось хорошим, но уверен она ухмылялась.

- Ещё немного, Роберт,- сказала Кесси.

- Ещё немного и я сломаю ноги, Господи "ААА".

- Ну всего-то, а ты так боялся, мистер "неженка".

- Теперь вы можете меня перевернуть?- спросил я.

- Да,- меня перевернули как рыбку на кухонном столе.-Кстати, если захочется обmaterить меня или ещё что... не сдерживай себя, за двенадцать лет работы я навидалась, да и это кажется помогает больным справляться с болью, я где-то читала..."

Некоторое время я лежал, уставившись на свои ноги. "Они точно не мои,- подумал я,- мои прежние ноги не горели". Я чувствовал каждую пульсацию, как если бы мое тело состояло из желе, а кто-то сжимал бы ноги ниже колен. Потянувшись за водой, на камоде я увидел книгу, внутри было подписано некой Тэзер. Говорилось: "На днях я закончила её, ты оказался первым в моей группе на этой неделе, так что... Это, чтобы ты меньше обижался",- далее были какие-то знаки, наверное она хотела изобразить улыбку, я надеялся что бескорыстную. Пожалуй она милая женщина, но просто когда она тебя скрючивает - невыносимо.

За ширмой я услышал голос:

- Как думаешь, та что тебя, ну ты понял,- это говорил сосед по палате,- она и ко мне придет?

- Ты себе что-нибудь ломал?

- Нет,- ответил он.

- Тогда тебе нечего бояться.

- Это хорошо. Кстати я Мэт.

- Роберт...

Всё шло хорошо. Мои утренние зарядки стали нормой. Болевой порог рос, так что если Тэзер хотела меня помучить, то она должна была постараться. Но после очередного приезда Джини, Этель, Джека мне стало совсем плохо. Нет, со мной ничего не случилось за тот период, мне просто стало плохо изнутри. Я был подавлен, мысли шли вразнобой, я хотел надрать себе зад за эту неразбериху в голове. Ещё парочку таких срывов и считай пациент Роберт готов отправиться в психушку.

Представьте что вас связали к столбу, а вокруг вашего тела шипы, места ровно столько, сколько нужно для дыхания, дабы ваша грудь могла надуваться. Не знаю зачем богу понадобилось оставлять меня в живых, но лучше бы я умер, чем лежал овощем.

Ночью рев ветра разбудил меня, окно открыто настежь. Я весь в поту, постель холодная от выделенных мною потом, с носа течет капля. Нет, по обеим щекам уже струится слеза, так что у кончика носа - тоже слеза... Вокруг всё давит, а эти звуки... Окно хлопает от ветра, открываясь и закрываясь. И снова и снова, открываясь и закрываясь,

всё по кругу, бесконечному кругу.

На стене циферблат часов издаёт назойливый "тик" - отмеряя секунды и большой "ТИК" - отмеряя минуты. Имей я рабочую руку и больница лишилась бы одних настенных часов.

Я представил как разбиваю её сильным ударом, ни жалея сил..

И в следующее мгновение раздался громкий треск стекла, за ним стрелки часов согнулись в внутрь корпуса и всё рассыпалось на полу. Я тут же отключился, не успев опомниться.

На утро Мэта начали расспрашивать о часах. Он отнекивался, пытался объяснить, что ему это не за чем, но в обед его забрали. Врач сказал мне не волноваться, мол что моя жизнь будет в безопасности. Я попытался защитить Мэта, мне не хотелось, чтобы ему из-за меня (хотя это был не я, я не могу разбивать часы не прикасаясь к ним) досталось или хуже - его запихали в психушку. Но док ясно дал понять - от падения с двух метров часы не становятся тонким куском пластмассы, а эту намеренно разбили и он уверен Мэт сорвался и у него случился припадок: "Это ответная реакция на медикаменты", - отвечивал док, возможно это и правда и у меня случился срыв, но в то что произошло прошлой ночью я отказывался верить.

В середине декабря меня поставили на ноги. Я уже мог гулять по окрестностям парка у заднего двора больницы. В парке я читал книги, наблюдал за другими больными, по сравнению с ними я был неплох. Во первых я всего лишь хожу прихрамывая у меня полно сил. Физически я выгляжу замечательно. И по сравнению со стариками у меня всё хорошо. Единственное за что я могу проиграть некоторым из них - частичная амнезия. К примеру я могу забыть что я ел на завтрак или спутать его с завтраком недельной давности и жить в прошлом.

Но в парке времени не было. Всегда одни и те же старики, которые приходят покормить голубей, некоторые просто отвлекаются от своих болезней. Все они добры со мной и иногда делятся своими впечатлениями на счёт жизни, рассказывают как они лихо отдыхали в свои года. По началу это было интересно, но когда слышишь одно и тоже каждый день - даже с частичной амнезией это дико надоедает.

Сегодня был именно такой день, всё как всегда, но на этот раз парк обзавелся парочкой новых деталей, кроме меня и стариков появилась

девочка. Она была внучкой старушки в инвалидной коляске. Когда я читал книгу она подошла ко мне спросить почему я здесь среди стариков. Я и сам был не прочь узнать это.

В моей палате сменили настенные часы. А я практиковался в "бесконтактном контакте" с предметами, как бы это глупо не звучало. Это занятие очень утомляло, а мой предел - маневрировать монетой в воздухе. Вскоре монету поменяли вещи побольше и потяжелей.

В обед на улице поднялся сильный ветер, а я только присел на скамью в парке. Ветер бил в грудь, в лицо, поднимал полы моего свитера, но тут же прекратился. Парк пустой.

Я дошел до кульминации, листая книгу Хоффмана "Гость". Главная героиня оказалась на грани между жизнью и смертью. Каждая страница теперь дается мне легко, я весь погружен в неё. Нервничая я начинаю крутить свою монету перед собой. Монета быстро вращается, балансируя и кренясь на невидимой точке. Я слышу звук приближения коляски, скрипучий звук плохо смазанных колес. Девочка катит его прямо ко мне, ее бабушка тарашится на монету. Я тут же хватаю с воздуха и прячу его в карман.

Девочка осматривает меня:

- Я видела и моя бабушка тоже,- говорит она,- покажи ещё раз свой фокус.

Я отворачиваюсь и продолжаю читать. Где-то с минуты коляска стоит на месте. Потом они проезжают мимо меня. Я уже заканчиваю книгу, когда эта девочка подпрыгивая бежит ко мне, ростом она маленькая, должно быть она даже не школьница пока.

Я всё так же читаю уже прочтенную книгу. А она не хочет уходить.

- Хэй, покажи пожалуйста,- говорит она.

- Что тебе показать?- спрашиваю я.

- Ну вот то что ты делал, когда я с бабушкой в больницу шла.

- Твоя бабушка не может ходить.

- Я ее везла, нет катала в коляске,- говорит она.

- Вот именно ты катала свою бабушку в парке, а теперь иди к ней, она осталась в больнице одна.

Она закатывает глаза.

- Ты не понимаешь,- она вздыхает,- там есть папа с мамой.

- Возможно.

- Покажи а? Ну пожалуйста.

Я смотрю на нее. Она вся такая энергичная, волосы в косичку, на ней коричневый плащик с капюшоном. Она всё время шмыгает носом. На улице холод, а она ищет приключения себе на голову. Я пытаюсь последний раз избежать темы.

- Тебе привиделось, малютка,- говорю я.

- Нет, я видела, точно - точно. Ты как те волшебники, нам в садике показывали...

- Они да, я нет.

- А ещё я не малютка, мне пять,- она показывает свою растопыренную ладонь,- и я старше моего братишки на два года,- говорит она.

- Ладно, скажи хоть как тебя зовут?- спрашиваю я.- Я к примеру Роберт и я волшебник или маг, как тебе удобно.

- Я знала,- говорит она, а её глаза светятся, настолько - насколько могут светиться глаза маленькой девочки от счастья.

Она говорит:

- Меня зовут Эмилия, а подружки говорят, что Эми звучит классней или классно...

Эмилия или Эми, впадает в раздумье над тем как же все-таки говорили ее подружки. Я достаю монету в сумму двадцать пять центов и начинаю свое скромное представление.

Эми громко хохочет и начинает подпрыгивать:

- Я знала, я же говорила,- смеется она, уставившись в монету.

- Ага.

- Меня научишь?- спрашивает она.

- Тебе пора.

- А это волшебство, да?- спрашивает она.

- Наверное,- отвечаю я.

Она наклоняется, чтобы поднять с земли соринки каких-то листьев, находит какой-то мусор и говорит:

- Тогда нужно чтобы была волшебная пыль как в мультфильме, а ещё.. а ещё тебе нужна палочка.

Она достает из под скамьи сук.

- Вот, держи,- говорит она,- сейчас я кину волшебную пыль, а ты поднимешь монету.

- Может мне сказать ещё и "Абракадабра"(дети в её возрасте, наверное, не подозревают про существование слова "сарказм"),- говорю

я.

- Ага, ага,- она воодушевляется,- похоже ты точно волшебник.
Ну хотя бы Эми провела время весело.

На эти выходные я надеялся отправиться домой. Как никак - новый год. Док сказал это можно устроить и вообще, что скоро меня будут выписывать под домашнее наблюдение. Ещё он сказал о важности моих утренних тренировок, я заверил его, что всё будет хорошо.

В четверг я был готов и уже ждал Джека, чтобы поехать домой. Вещей у меня разумеется накопилось - это и: теплые свитера, куртки, зимние ботинки(почему-то Джина покупала мне зимнюю одежду), шарфы, шапки. Всего по паре.

Сложенные вещи, кроме ботинок, лежали на кровати, а я ждал Джека и мою дорожную сумку, чтобы всё упаковать сразу по приезду. На мне был только свитер с серым шарфом Джины, время шло медленно, неторопливо шагая. Её никто и не подгонял. В коридоре слышались топоты, выходящих из палат родственников больных. Кто-то из них ободряет больного перед тем как уйти, я не мог разобрать, правда, слова. Звуки перемешивались между собой, дети кричали, бегали. Местами рыдали. Взрослые голоса тут же перекрывали детские вопли, но через секунду другую утихали. Человеку что лежит целыми днями в четырех стенах не особо-то хочется видеть семейные ссоры. Ему итак тяжело. Но так всегда заканчивались часы приема посетителей. Всегда весело, шумно и со слезами в коридоре, когда уже можно детишкам выплеснуть все эмоции и по наглеть.

Прием посетителей уже запрещен, но мне на этот счет не стоит волноваться. Сегодня я наконец-то развеюсь. С этими мыслями я сижу и смотрю перед собой в пустоту, ожидая свободы.

В дверь кто-то стучится и я хочу, чтобы это не была очередная медсестра или кто-то из запоздалых посетителей, ошибившегося дверью (их было уже три).

- Открыто. Входите, кто бы это не был.

Дверь открывает парень с каким-то маленьким и белым свертком в руках. Нос красный от уличного холода. Нелепая шапка с бубенцами

красно-синего цвета. Он стоит и смотрит на меня.

- Ты, наверное, ошибся,- говорю я.

А он всё стоит у порога и смотрит на меня, не проронив ни слова.

- Эмм, прием посетителей всё равно закончился и даже так...

- Ты что ничего не помнишь,- говорит он.

- ... Кто ты и что я должен помнить?

Он не представился и даже не стал отвечать на мои вопросы. Вместо этого он прошел в палату, оставил сверток на столе, обернулся и пошел к двери.

- Стой,- говорю я, а ему хоть бы что,- зачем ты оставил мне это?

Стоя у двери он посмотрел на меня и сказал:

- Линда просила передать, тогда...,- он убрал взгляд, но я увидел как его глаза наворачивались слезами.

Я только и смотрел на этот сверток бумаги. Линда... Наверное мы были знакомы, а то как этот парень посмотрел на меня...

- Выходит после всего, ты даже не помнишь её...,-начал он.

А у меня разрывается сердце, внутри пусто. Сейчас я понимаю - этот парень точно ко мне. Я хватаю этот маленький сверток, где-то звук хлопающей двери. Капли слез падают на бумагу. Я вытираю слезы, нет я не плачу, я не всхлипываю или рыдаю... У меня просто безостановочно идут слезы.

У меня в руках письмо, я отдам всё, лишь бы оно не было прощальным. Буквально ВСЁ.

"Привет, Роберт, давно хотела оставить тебе письмо... Но моя мама говорит, что это несправедливо по отношению к ним, но поверь я знаю мне осталось не долго.

Как хорошо что Дерек согласился помочь, да дорогой? Разве это не замечательно?

Я пишу это письмо в надежде что с тобой всё будет хорошо, хоть врачи сказали что ты в коме. А я, Роберт, я хочу чтобы у тебя всё было хорошо.

Ещё, Роберт, цени Дерек. Сейчас он сидит напротив меня, Дерек помогает мне написать письмо, пишет и плачет. Я знаю, что делаю этим ему больно, но мои руки уже ни на что не годятся.

Роберт, я хочу, чтобы ты помнил нас. Я не умру, я навсегда буду с

тобой. Роберт, теперь я часть тебя и навсегда останусь с тобой.

Дорогой, правда у нас всё было замечательно? Ты ведь и вправду любил меня?

Извини, дорогой, я не могу остановить слезы... Хоть ты и не видишь меня, я знаю ты будешь чувствовать. Дерек, говорит, что это даже немного смешно.

Я любила и люблю и буду дальше любить. Ты только не расстраивайся, мы всегда будем вместе. Я навсегда останусь твоей Линдой.

Ради нас, Роберт, постарайся начать новую жизнь. Я хочу чтобы ты нашел себе кого-нибудь. Но не говори наших слов. Я влюбилась в тебя, а теперь я ничто без тебя. Роберт, я люблю тебя..."

- Линда -

Я выбежал вслед за Дерекком. Это письмо заставило меня вспомнить обо всём. Я спускаюсь с лестницы и снизу Джек задерживает меня. Я отнимаю у него свою руку, пытаюсь найти выход из больницы, хочу догнать Дерекка, хочу спросить... Спросить... Это всё, это всё ведь не в за правду. Линда не может погибнуть. Она не должна. Что она такого сделала?

Возле выхода я спотыкаюсь о что-то. Кто-то хватает меня за шиворот и поднимает. Кругом детский визг, на меня орет мужик: "Слышь дебил, ты моего сына чуть к стене не пришиб, говна кусок,- кричит на меня кто-то сверху,- ты меня слышишь, урод?"

Я стараюсь схватиться за ручку двери, потом мне удается вырваться. Позади уже стихли крики и вопли.

От слез я вижу всё мутно. А на крыльце стоит и курит Дерек.

Я хватаю за ворот его куртки и молю его, чтобы он сказал что это всё неправда. А Линда... Линда оправилась и сейчас у себя дома, с ней всё хорошо.

Он бьет меня по лицу и я падаю, кровь приливает к голове. Всё становится черным я не вижу даже света. Потом меня поднимают, ничего не видно. Я только слышу голоса. И Дерек говорит мне успокойся. Он говорит успокойся мне. Да как он смеет мне сейчас такое говорить.

Моя Линда не может вот так умереть, я бью по рукам, которые меня

держат: " Скажи что она жива, скажи это. Скажи это, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ДЕРЕК! "

Джек выбегает и кричит на меня: " Роберт, что ты натворил с людьми в холле?"

Сейчас я выпадаю из этого мира. Мое тело какое-то вялое и бесформенное и оно не чувствуется. Звуки уже полностью приглушенные. Наверное я снова вырубился, но пока могу о чем-то думать. Раз уж так... И если Линду у меня забрали. Если где-то и есть "Бог", то он мне за это заплатит. В этом мире где люди - всего лишь расходный материал. "Он" мне дорого заплатит.

"Он" забрал у меня Линду - а я заберу у него всех...

Когда я могу что-то видеть и прихожу в себя, то каждый раз меня окружают горящие дома, полицейские машины - перевернутые, торчащими наружу из кабины кровавыми телами копов. Каждый раз в новом месте и я знаю что это делаю я, хоть вижу только результат моей мести. Мне безразличны мертвые тела, валяющиеся по всюду. Останавливать себя я не стану. Всех их я убиваю в беспамятстве, но себя не оправдываю и не виню. Жизни этих людей... Они мне безразличны, все мы всего-то расходный материал, никто теперь не достоин жизни. НИКТО.

Безопасность жителей города исчезла. Никто не в силах спастись, квартал за кварталом погибают люди. Окна домов бьются сами по себе, в небе вихрем кружатся разломанные части машин, настигая очередную жертву.

Любой кто сейчас оказывается у взора этого юноши тут же погибают. В больницу толпами стекаются люди с разрушенных частей города. Сформированный отряд помощи из молодых парней несут раненых на импровизационных носилках . Это те кто получили сильное повреждение или оказались под завалами в домах.

Первые жертвы были ранены физическим путем, через квартала три на улицах простирались груды тел, ничем не тронутые, но мертвые. Люди просто падали на ходу, хватаясь за сердце. Роберт убивал их изнутри просто-напросто сжимая в кулаке их сердца. Он уже научился чувствовать объекты недосыгаемые для его глаз. Мгновение и человек

уже лежал на земле, обхватывая грудь с скорченным болью лицом.

Полиция не смогла ничего ему сделать, независимо от калибра пули всё отлетало в сторону. Роберта окружало невидимое поле. А все попытки подойти к нему в плотную уже расценивались как самоубийство. Гранаты брошенные в его сторону тут же отлетали на дома вокруг него, а Роберт даже не оглядывался на это. Город начал эвакуацию.

Всех жителей попросили уехать из города по радио и телевидению. Народ стал обзванивать своих родных, предупреждая их.

Но вскоре это уже не понадобилось. Спустя двенадцать кварталов Роберт выдохся. Его новая сила не была вечной и отнимала много энергии. Всё что он сделал вышло лишь благодаря всплескам адреналина в организме. Роберт упал прямо по середине дороги, прямо по середине хаоса, который он сам же и сотворил. Теперь он не мог даже шевельнуть пальцем...

Полицейский участок

Полицейский участок огородила толпа журналистов. Непонятно как в городке, котором всего пару вещательных каналов нашлось столько журналистов. Они уже стояли перед входом в здание, вскоре все начали вести свой репортаж.

Народ требовал открытости, полиция была не в силах остановить этот "хаос" надвигающихся разъяренных горожан.

На улице был слышен ровный рев толпы. Они скандировали:

"Справедливость".

Маленькой комнате всё еще находились Роберт с журналистом, продолжающим активно играть роль психолога.

Роберт уже не хотел отвечать на вопросы, рассмотрев в деталях лицо низкорослого мужчины, в серо-бежевом пальто и шляпе. Он напоминал ему помощника главного героя из малобюджетных боевиков в преувеличенном «экшн» стиле. Где подобного рода персонаж служит таким разбавителем в фильме, который должен снять напряжение зрителя путем житейских шуток, чтобы далее ещё глубже держать в

этом же самом напряжении. Больше походит на рыбалку, но так уж устроены во многих случаях фильмы.

Спустя мгновение в комнату окружной полиции вбегает юноша с глубокой раной на лице, которая кровоточит и не собирается останавливаться. Он стремительно настигает Роберта, от чего тот пятится с места, но в последний миг репортеру удается его задержать. Но этого хватает лишь на несколько секунд.

Следующий отрезок жизни Роберта, для него, казалось, был самым насыщенным. Ещё никогда он не чувствовал такой свободы и прилива эмоций.

Перед ним предстал его самый лучший друг Дерек. Он горел маниакальной одержимостью, казалось его глаза вот-вот выскочат из орбит, но в тоже время они были наполнены убивающей грустью. Его пальцы едва коснулись пистолета, когда Роберт уже был под прицелом. Без сомнений это был отработанный прием. Молниеносно исполненный в жизни.

«Не думал, что человеком, который свершит надо мной суд – будешь ты, Дерек», - Подумал Роберт, с некоторой жалостью оглядываясь назад, вспоминая Линду, мисс Сьюзан, Этель, Джину ...

Но гораздо больше ему нравилось ощущение свободы и полной безответственности перед всеми и самое главное перед самим собой.

РАЗДАЛСЯ ЩЕЛЧОК ПРЕДОХРАНИТЕЛЯ.

И в этот момент совсем не важно, что о тебе скажут другие, а твоему трупу и подавно. Ты просто пропадаешь в небытии.

КУРОК МЕДЛЕННО ПРИХОДИТ В ДЕЙСТВИЕ.

В маленьком участке города Форт-Уорт, казалось, умерло «время», его просто здесь не было. Спаркслс словно загипнотизированный смотрел на указательный палец Дерека. Несмотря на различные мысли присутствующих все ждали только одного.

На секунду Роберт теряет связь со своими мыслями, гулкий щелчок проходит вокруг него, задевая уши, теперь этот звук наполняет весь мир. Ему начинает казаться, что Дерек промахнулся....

«Будет обидно, если ты промажешь, чувак»,- промолвил Роберт, прежде чем его сознание навсегда покинуло его брненное тело.